

ВОСПИТАНІЕ И ОБРАЗОВАНІЕ ВОЙСКЪ.

(Статья первая.)

Мы закончили предъидущую статью (*) замѣчаніемъ, что соединеніе людей въ боевыя единицы и средства приводитъ послѣднія въ дѣйствіе должны быть основаны на свойствахъ человѣческой природы, физическихъ и нравственныхъ. Какъ это, повидимому, ни „само собою разумѣется“, однако, приглядѣвшись къ тому, что дѣлается иногда въ войскахъ, нетрудно убѣдиться, что это „само собою разумѣющееся“ начало въ практикѣ часто пренебрегается: что зачастую употребляютъ команду тамъ, гдѣ мыслимо только приказаніе; зачастую увлекаются такими формами строя, которыя неудобоподвижны, т. е. не сообразены съ свойствами человѣка относительно подвижности; зачастую переводятъ людей изъ роты, напримѣръ, въ роту по одному наружному виду, не обращая вниманія на свойство человѣка привыкать къ тому обществу, въ которомъ онъ живетъ, *сростаться* съ нимъ: слѣдовательно пренебрегаютъ этимъ свойствомъ сростанія, между тѣмъ какъ на немъ держится единокупіе дѣйствій въ бою.

Эта легкость отклоненія отъ начала, до такой степени очевиднаго, обуславливается именно тѣмъ, что составляетъ главное отличіе человѣка отъ прочихъ существъ, обуславливается способностію его идти даже наперекоръ самому себѣ. Звѣрь не въ состояніи, напримѣръ, добровольно морить себя голодомъ, не въ состояніи по собственному желанію сунуть лапу въ огонь: человѣкъ *можетъ* это сдѣлать, и въ этомъ заключаются его величіе и сила. Но въ этомъ же лежитъ и залогъ тѣхъ насилуваній, которыя человѣкъ продѣлываетъ съ собою во всѣхъ областяхъ, на зло и физической, и духовной своей природѣ, сгоряча не замѣчая, что это безнаказанно не проходитъ и что,

(*) См. статью: „Характеръ и объемъ тактическихъ изслѣдованій“. „Военный Сборникъ“ 1865 г., № 10.

рано или поздно, но неминуемо сказанное насилуваніе и его приводитъ къ тому же, къ чему приводитъ и другія существа несоотвѣтственное свойствамъ употребленіе ихъ.

На содержаніи, воспитаніи и образованіи солдата это невниманіе человѣка къ своимъ собственнымъ свойствамъ подтвердилось съ печальною неопровержимостію. Для доказательства этого, упреждая ходъ послѣдовательнаго изложенія, укажу: на тихій шагъ и маршировку съ носка, на употребленіе ружья для приемовъ, а не для стрѣльбы, на косы, пудру, на костюмы, извращавшіе нормальность отправленій человѣческаго организма, и т. под.

Мы далеки отъ мысли глумиться надъ подобными несообразностями; далеки потому, что и сами-то видимъ ихъ преимущественно благодаря времени, въ которое живемъ—времени распространенія нарѣзнаго оружія, могущественно содѣйствовавшаго разсѣянію тумана военныхъ предрасудковъ, времени, въ которое не совершенно еще забыты наполеоновскіе и другіе погромы. Живи мы во времена Фридриха, вѣроятно, и мы бы считали тихіе шаги и прочее перечисленное необходимымъ условіемъ боевой годности войскъ.... Глумленіе дѣло праздное и бесплодное; попробуемъ лучше выискнуть въ причины, которыя заставляли предшественниковъ нашихъ ошибаться, повидимому, такъ нелѣпо: это дастъ возможность намъ избѣжать того, на что они потратили бесплодно свою жизнь и жизнь тѣхъ, кто отъ нихъ зависѣлъ. Уже давно сказано, что судить прошлое бесполезно; что его нужно разобрать и уразумѣть.

Приступъ къ этому дѣлу приходится начать нѣсколько издалека: именно изъ очерка того, какимъ образомъ вообще человѣкъ добирается до истинъ теоретическихъ и практическихъ. Вѣроятно, насъ упрекнутъ за это въ философствованіи; но что же дѣлать? Человѣкъ ни малѣйшаго шага не дѣлаетъ не подумавъ; слѣдовательно, прежде чѣмъ разбирать его шаги въ какой бы то ни было области знанія или дѣятельности, нужно по необходимости обратить вниманіе на работу его мысли, предшествующую этимъ шагамъ. Философія тутъ нехитрая: вся она будетъ заключаться въ указаніи на нѣкоторыя изъ мозговыхъ отправленій, которыя всякій можетъ повѣрить на самомъ себѣ.

Уму человѣка не дано сразу открывать истину: онъ обладаетъ только однимъ свойствомъ—логически выводить послѣдствія того начала, которое ему *кажется* истиной. Сразу начало

никогда вѣрно не бываетъ, ибо сразу человѣкъ не въ состоянiи составить себѣ всестороннее понятiе о данномъ предметѣ, а замѣчаетъ только тѣ изъ сторонъ его, которыя больше бросаются въ глаза. Итакъ, первоначальное понятiе о предметѣ будетъ всегда, и неизбѣжно, одностороннее. Начинается затѣмъ логическая работа вывода послѣдствiй, которыя естественно въ конечномъ результатѣ даютъ нелѣпость. Тогда человѣкъ убѣждается, что начало было ошибочно или, правильнѣе, односторонне, вводитъ въ него соотвѣтствующую поправку и опять развиваетъ его логически до крайнихъ послѣдствiй, т. е. до новыхъ нелѣпостей, которыя укажутъ ему на необходимость новой соотвѣтственной поправки, и т. д. Вотъ ходъ развитiя человѣческихъ понятiй во всѣхъ областяхъ, въ томъ числѣ и въ области возрѣнiй на то, какъ должно вести войска въ мирное время для того, чтобы они были хороши въ военное.

Разница будетъ въ томъ только, что такъ какъ область военнаго дѣла чисто-практическая, а конечные результаты той или другой системы устройства и образованiя войскъ обнаруживаются только на войнѣ, то приведенiе къ нелѣпости односторонняго начала здѣсь называется *военной катастрофой*.

Имѣя въ виду сказанное, станетъ яснымъ, что предшественники наши, люди конца XVIII и начала XIX вѣка, виноваты въ томъ только, что на ихъ долю выпала трагическая участь сдѣлать первые шаги въ систематической постановкѣ вопроса: какъ и чему должно учить солдата и его командира? По новостямъ предмета они не могли не прiйти къ одностороннему разрѣшенiю; наше дѣло — уразумѣть, въ чемъ была эта односторонность и какiя поправки въ сказанномъ разрѣшенiи должно сдѣлать, чтобы получить его болѣе разностороннимъ. Подобный разборъ тѣмъ полезенъ, что знакомитъ съ тѣмъ, какое нравственное и умственное влiянiе имѣютъ на солдата различные отдѣлы образованiя, знакомитъ, слѣдовательно, съ тѣмъ первоначальнымъ свойствомъ человѣка, въ силу котораго практическая дѣятельность владетъ на духовную его дѣятельность неотразимую печать. Это можно для краткости выразить слѣдующей формулой: *родъ практической дѣятельности человека опредѣляетъ складъ его понятiй и характеръ отношенiй къ начальникамъ и подчиненнымъ*.

Это начало подтверждается самымъ нагляднымъ образомъ изъ наблюденiя обыденныхъ явленiй: военнаго отъ статскаго

можно отличить въ какомъ угодно платьѣ не по однимъ внѣшнимъ признакамъ, но по складу взглядовъ и понятій; даже въ военномъ сословіи — собственно линейный пѣхотинецъ, стрѣлокъ, артиллеристъ, кавалеристъ, морякъ, несмотря на общую цѣль—бить врага—рѣзко отличаются другъ отъ друга, равно какъ и военный, побывавшій въ дѣлѣ, отъ такого, который былъ только мирно-военнымъ. Мало того: въ одномъ и томъ же родѣ оружія различный складъ понятій получается въ зависимости оттого, какому изъ отдѣловъ образованія данъ перевѣсъ предъ прочими: человекъ, принадлежащій къ части, въ которой налегаютъ, напримѣръ, преимущественно на стройность движенія, совсѣмъ не такъ смотритъ и говоритъ, какъ принадлежащій къ части, въ которой налегаютъ на стрѣльбу, и т. д. Сомнѣвающимся въ справедливости этого предлагаемъ сравнить мысленно нашего пѣхотинца пятидесятихъ, напримѣръ, годовъ съ нынѣшнимъ.

Изъ этого основнаго свойства человека невольно подчиняться духу своей дѣятельности выводятся слѣдующія условія рациональнаго обученія войскъ:

1) *Войска должно учить въ мирное время только тому, что имъ придется дѣлать въ военное; всякое отступленіе отъ этой нормы вредно, потому что внушаетъ и солдатамъ и начальникамъ превратное понятіе о томъ, что можно и чего нельзя требовать въ бою отъ человека. Люди, выученные лишнему, и передъ непріателемъ будутъ дѣлать не то, что нужно, а то, что они умѣютъ дѣлать.*

Мысль эту впервые высказалъ маршалъ Саксонскій; Суворовъ вполне раздѣлялъ ее и провелъ строго-последовательно въ своей системѣ образованія и воспитанія войскъ. Изъ нея видно, что все *лишнее* противъ того, что примѣнимо въ бою, является не безвредной мирной игрушкой, а порчей войскъ. При дальнѣйшемъ развитіи разбираемаго вопроса окажется даже, что есть отдѣлы, которымъ и вовсе не слѣдуетъ обучать въ мирное время, если хотять, чтобы войска хорошо себя показали въ военное.

2) *Учить солдатъ боевому дѣлу должно въ такой послѣдовательности, чтобы они изъ самаго хода обученія получали сразу ясное понятіе о назначеніи какъ всею тою, что имъ дается, такъ и о своемъ собственномъ.*

Такъ обученіе употребленію оружія должно начинаться со

стрѣльбы и фехтованія, какъ то теперь у насъ принято, а не съ ружейныхъ приемовъ и т. п. Первые впечатлѣнія во всемъ имѣють огромное значеніе: не нужно поэтому вести солдата такъ, чтобы онъ хотя на минуту могъ остановиться, наприцѣръ, на мысли, будто ружье есть машина для приемовъ, а не для пораженія врага.

Что подобное убѣжденіе, какъ оно ни кажется страннымъ, можетъ возникнуть, доказательствомъ служить то время, когда подпиливали ружейныя гайки. Человѣкъ, прибѣгающій къ подобной операціи, сколько бы онъ ни говорилъ, что ружье ему дано для того, чтобы стрѣлять, все-таки дѣломъ показываетъ убѣжденіе въ томъ, что оно ему дано для приемовъ: стрѣлку и въ голову не придетъ подпиливать гайки для звучности приемовъ.

3) *Учить преимущественно примѣромъ, т. е. показывать, что и какъ слѣдуетъ дѣлать, прибѣгая къ изустнымъ объясненіямъ только въ случаѣ дѣйствительной необходимости.*

Большая часть изустныхъ объясненій въ занятіи такомъ практическомъ, какъ солдатское ремесло, во-первыхъ, нисколько не подвигаетъ дѣла, потому что оно видѣе изъ исполненія, нежели изъ разсказа; во-вторыхъ, простолюдинъ вообще не охотникъ до разговоровъ: ему подавай дѣло; въ-третьихъ, солдатъ человѣкъ дѣла, а не человѣкъ слова, а извѣстно, что одно развивается не иначе, какъ на счетъ другаго, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями; въ-четвертыхъ, объяснить даже причину, для чего то или другое требуется, нѣтъ надобности, если послѣдовательность обученія хорошо соображена: всякій пойметъ и безъ объясненій, почему нужно умѣть стрѣлять и колоть, но не понялъ бы и изъ объясненія, отчего нужно было ходить съ носна, когда это требовалось. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ большей части случаевъ объясненія въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе удовлетворяють потребности учителей говорить, нежели потребности ремрутъ понять дѣло.

Примѣняя къ дѣлу высказанную выше аксіому—*что безмозно на войнѣ, то вредно вводити въ мирное обученіе*—опредѣлимъ, что требуется отъ солдата на войнѣ:

1) Чувство долга, доведенное до самоотверженія или готовность пожертвовать собою для выручки товарищей; способность не приходить въ отчаяніе въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ; неустрашимость, находчивость, безпрекословное повиновеніе волѣ начальника во всемъ касающемся службы.

- 2) Способность выносить тягости и лишения военного времени безъ быстрого истощенія силъ.
- 3) Искусное дѣйствіе своимъ оружіемъ.
- 4) Умѣнье согласовать свои движенія и дѣйствія съ товарищами.
- 5) Ловкость въ преодоленіи встрѣчаемыхъ на мѣстности преградъ и умѣнье пользоваться ими для собственнаго укрытія отъ осмотра и выстрѣловъ непріятеля, не лишаясь однакожь возможности его видѣть и стрѣлять по нему.

ОДИНОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ.

Умственные и нравственные качества поставлены на первомъ планѣ потому, что въ бою, какъ и во всякой другой дѣятельности, человекъ дѣлаетъ собственно всегда одно и то же дѣло: приводитъ въ исполненіе свои умозаключенія. Если способность составлять ихъ правильно и рѣшаться приводить въ исполненіе быстро развита въ человекѣ, онъ достигаетъ своихъ цѣлей успѣшно; если нѣтъ, онъ претерпѣваетъ неудачи, т. е., такъ или иначе, но бываетъ битъ.

Наилучшій стрѣлокъ или фехтовальщикъ, если онъ не проникнутъ сознаніемъ долга или убѣжденъ, что не можетъ одолѣть непріятеля, ничего не сдѣлаетъ. Наоборотъ, слабый и не совсѣмъ искусный физически, но недопускающій мысли, что его могутъ побить, но считающій низостью выдать своихъ, бить и искусныхъ и сильныхъ физически, но которые не совсѣмъ въ себѣ увѣрены и не довольно проникнуты чувствомъ круговой поруки. Поэтому-то Наполеонъ, Суворовъ и другіе гениальные полководцы прежде всего стремились къ развитію нравственнаго элемента въ своихъ арміяхъ; Наполеонъ даже прямо высказалъ, что во всякомъ боевомъ дѣлѣ три четверти успѣха зависятъ отъ нравственной стороны и только четверть отъ матеріальной.

Въ военное время это чувствуется всякимъ весьма сильно, ибо внѣшняя необходимость каждую минуту указываетъ на значеніе находчивости и энергія въ солдатѣ; но въ мирное время, когда этой внѣшней необходимости нѣтъ, большинство забываетъ значеніе нравственной стороны и часто совершенно пренебрегаетъ условіями, которыя благоприятствуютъ ея развитію. Поэтому въ высшей степени важно уяснить себѣ вопросъ: что

можно способствовать или препятствовать развитію толковности и энергіи въ солдатъ въ мирное время?

Нравственное воспитаніе требуетъ того же, что и физическое, т. е. если вы хотите, чтобы извѣстный органъ развивался, вы дѣлаете имъ такіа упражненія, которыя усиливаютъ мускулы органа. Если вы хотите, чтобы солдатъ былъ возможно болѣе способенъ приводить себя въ извѣстное нравственное настроеніе, старайтесь обставить его такимъ образомъ, чтобы это настроеніе возникало въ его душѣ по возможности чаще. Наоборотъ: должно избѣгать возбужденія тѣхъ настроеній, которыя противны назначенію воина. А что въ военномъ можетъ быть презрительнѣе страха, который при томъ парализуетъ и умъ и волю? Итакъ, солдатъ долженъ быть веденъ такъ, чтобы чувство безотчетнаго страха возникало въ его душѣ по возможности рѣже, ибо кто приученъ безсознательно бояться своего, тотъ уже тѣмъ самымъ въ извѣстной степени приученъ бояться и непріятеля. Уже изъ этого видно, что нравственное воспитаніе солдата коренится въ характерѣ отношеній его къ старшимъ: чѣмъ менѣе они даютъ мѣста безотчетному страху, тѣмъ лучше.

Тамъ, гдѣ солдатъ увѣренъ, что если онъ сдѣлалъ свое дѣло, его пальцемъ никто не имѣетъ права тронуть, чувство безсознательнаго страха развиваться не можетъ; тамъ, гдѣ этой увѣренности нѣтъ, такой страхъ развивается. Что же можетъ дать эту увѣренность? Ее можетъ дать только такое положеніе, при которомъ солдатъ знаетъ всегда напередъ, что онъ долженъ дѣлать и чего съ нимъ не должны дѣлать; такая система, при которой въ мирное время произволъ какъ со стороны старшаго, такъ и со стороны младшаго одинаково является преступленіемъ, при которой законъ становится выше личности какъ начальника, такъ и подчиненнаго.

Это—неизбѣжное условіе нравственнаго воспитанія и начальниковъ и подчиненныхъ: безъ него чувство долга выработаться не можетъ, ибо послѣднее возникаетъ тамъ только, гдѣ чловѣкъ изъ практики видитъ, что законъ, обязывая его, въ то же время обезпечиваетъ отъ неправыхъ посягательствъ. При такомъ значеніи закона, его заинтересованъ исполнять всякій подчиненный. Начальникъ, ясно сознающій свое положеніе, заинтересованъ исполнять его во всякомъ случаѣ, ибо неисполненіемъ подрываетъ единственное основаніе собственной власти.

Это подтверждаетъ и практика: гдѣ законъ не былъ поставленъ въ сказанное положеніе, начиналось тѣмъ, что начальникъ переставалъ его исполнять въ случаяхъ, его стѣсняющихъ, а кончалось тѣмъ, что и подчиненный дѣлалъ то же. Поэтому-то во всѣхъ военныхъ законодательствахъ такъ сильно налагается на то, что начальникъ долженъ подавать примѣръ исполнительности въ важныхъ, какъ и въ самыхъ мелочныхъ, вещахъ.

Высказанныя здѣсь основанія у насъ признаны и осуществлены: *дисциплинарнымъ уставомъ*, недавно получившимъ силу, и *уставомъ о службѣ внутренней*, который вскорѣ будетъ обнародованъ для распространенія въ войскахъ наравнѣ съ строевыми уставами (*). Эти два устава точно опредѣляютъ права и обязанности каждаго чина и, получивъ строгое и неуклонное примѣненіе въ жизни войскъ, наиболѣе всего будутъ способствовать развитію и нравственной самостоятельности, и понятія о долгѣ.

Распространеніе знанія ихъ должно составлять предметъ первостепенной заботливости начальства предпочтительно передъ знаніемъ военно-уголовныхъ законовъ, какъ потому, что послѣдніе относятся къ самому ничтожному проценту состава войска, такъ и потому, что всегда разумнѣе заботиться о внушеніи человѣку того, что онъ долженъ дѣлать, нежели того, чего ему слѣдуетъ избѣгать.

Имѣя подобное значеніе, законы, опредѣляющіе отношенія между начальниками и подчиненными, должны въ то же время способствовать развитію инстинктивнаго чувства (**), разницы между главными и второстепенными служебными обязанностями. Это достигается *установленіемъ строгой соразмѣрности взысканій*.

Практика показываетъ всю необходимость этого разграниченія не только въ видахъ соблюденія справедливости, но и для пользы службы: дабы солдатъ понималъ ясно, что неопратно одѣться или упустить отдать честь совсѣмъ не одно и то же, что, напримѣръ, не исполнить служебнаго приказанія или заснуть на часахъ. Солдатъ, неисполняющій перваго, грубъ, не воспитанъ, но еще не преступленъ; нельзя его гладить за это по головкѣ, но не за что также и казнить. Солдатъ же, поз-

(*) Онъ существуетъ и въ настоящее время, но только въ „Св. Воен. Пост.“, т. е. недоступенъ для всѣхъ, особенно для нижнихъ воинскихъ чиновъ.

(**) Мы говоримъ „инстинктивнаго чувства“ въ томъ смыслѣ, чтобы солдатъ понималъ эту разницу, но въ резонерство объ ней не вдавался.

волившій себя заснуть на часахъ, долженъ быть строго наказанъ.

Существовало прежде мнѣніе, что если строго наказывать за мелочныя отступленія, то солдатъ и подумать не осмѣлится нарушить что-либо важное; практика показала уже односторонность этого мнѣнія, ибо привела къ тому, что потерялось различіе между важнымъ и неважнымъ, и точно исполнялось не то, что важнѣе, а то, что виднѣе.

Это показываетъ, что въ законоположеніяхъ строго должно быть проведено различіе между *военными обязанностями* собственно и *военными приличіями*. Въ нашемъ дисциплинарномъ уставѣ положено начало этому разграниченію, въ главѣ о „порядкѣ наложенія дисциплинарныхъ взысканій“ (*).

Итакъ, нравственная самостоятельность въ солдатѣ вырабатывается тогда только, когда начальникъ внушаетъ ему не безотчетный страхъ, а *вѣру* въ то, что онъ никогда не отдастъ незаконнаго приказанія, и *уваженіе*, составляющее слѣдствіе этой вѣры.

Можно подумать, что строгая законность отношеній въ мирное время можетъ сдѣлать солдата не совсѣмъ гибкимъ исполнителемъ воли начальника въ военное; но это совершенно невѣрно: вынося изъ мирной практики убѣжденіе въ ненарушимости закона и вѣру въ то, что требованіе начальника не можетъ быть не дѣльно или внушено личнымъ капризомъ, онъ въ военное время не можетъ допустить мысли, чтобы требованія того же начальника измѣнили свой характеръ. На войнѣ исполнительность опредѣляется для большинства людей не столько страхомъ наказанія, сколько убѣжденіемъ въ томъ, что приказывающій требуетъ *дѣла*.

Такая система отношеній вырабатываетъ, слѣдовательно, и нравственную самостоятельность, и привычку безпрекословнаго исполненія служебныхъ требованій, вырабатываетъ, наконецъ, то чувство внутренняго единства части, которое называется ея *духомъ* и при которомъ *выручка своими* во всѣхъ смыслахъ становится для солдата и для начальника святѣйшимъ закономъ.

Но вырабатываетъ ли эта система находчивость? Непосредственно—нѣтъ; но она способствуетъ развитію послѣдней уже и тѣмъ, что приучаетъ къ спокойствію духа, т. е. къ возмож-

(*) Приказъ военнаго министра, 7-го апрѣля 1865 г., № 131, § 33.

ности яснѣ видѣть и судить въ опасныя минуты, а слѣдовательно и легче находиться.

Великій нашъ Суворовъ, глубоко постигшій человѣческую природу и знавшій, какое парализующее вліяніе на человѣка производитъ всякая неожиданность, имѣлъ свою оригинальную манеру возбуждать находчивость неожиданными вопросами, на которые требовалъ хотя какого-нибудь, но непременно положительнаго отвѣта. Какъ бы онъ ни былъ не удовлетворителемъ, все же показывалъ въ человѣкѣ способность *рѣшиться*; а потому то „не могу знать“, какъ представитель отсутствія этой способности, такъ было ненавидимо имъ. „Тотъ—говорилъ Суворовъ—кто растеряется отъ простаго вопроса, растеряется навѣрно еще болѣе отъ неожиданной атаки непріятеля.“

Но когда возможно прибѣгать къ подобнымъ приемамъ развитія находчивости? Опять тогда, когда спрошенный будетъ думать о томъ только, чтобы быстро и дѣльно отвѣтить, а не о томъ, чтобы прочесть отвѣтъ въ глазахъ спрашивающаго. Всякому имѣвшему дѣло съ солдатомъ извѣстно, какъ, еще въ недавнее время, отъ него трудно было добиться правды. Положимъ, вы спросите его: жмутъ ли ремни (какого-нибудь вновь испытываемаго ранца)? Первое, что онъ сдѣлаетъ, это—постарается узнать по вашимъ глазамъ, что вамъ пріятнѣе, чтобы они жали, или чтобы не жали? Если отгадать не удастся, онъ составляетъ отвѣтъ по вопросу: если было сказано—жмутъ ли ремни, онъ отвѣтитъ: жмутъ; если же вы спросили: не жмутъ ли ремни?—не жмутъ.

Но какъ бы ни были хороши законы, опредѣляющіе отношенія степеней военной іерархіи между собою, они не пустятъ глубокихъ корней въ жизни войскъ, если только практическая дѣятельность (т. е. занятія) послѣднихъ не будетъ благоприятствовать этому.

Съ перваго взгляда подобная тѣсная связь кажется мало вѣроятною; но кто припомнитъ, что всякая практическая дѣятельность налагаетъ неизгладимую печать на понятія и характеръ человѣка, тотъ не можетъ не признать ее. Можно принять за истину, что всякому занятію соотвѣтствуетъ свой складъ отношеній и понятій, и что если вы хотите измѣнить понятія человѣка и характеръ отношеній его къ другимъ, вы неизбѣжно должны измѣнить въ томъ же смыслѣ и его занятія. Безъ этой

послѣдней перемѣны нельзя достигнуть коренной перемѣны въ понятіяхъ и отношеніяхъ.

Сказанное примѣняется къ образованію солдата въ полной мѣрѣ: его дѣло состоитъ изъ ряда специальностей, и каждой изъ нихъ соотвѣтствуетъ умственный и нравственный складъ, въ основаніи противорѣчащій тому, который требуется для боя. Ясно, что увлеченіе какою-либо изъ частныхъ специальностей, составляющихъ ремесло солдата, неминуемо отклоняетъ его отъ боеваго его назначенія. Изъ этого уже видны опасность увлеченія и необходимость найти средства противостоять ему.

Слѣдовательно, намъ предстоитъ: во-первыхъ, опредѣлить вліяніе на нравственную и умственную сторону человѣка различныхъ отдѣловъ солдатскаго ремесла; во-вторыхъ, найти средства противодѣйствія крайнему развитію ихъ.

Выше сказано, что, кромѣ извѣстныхъ нравственныхъ качествъ, отъ солдата требуется: выносливость; умѣнье владѣть оружіемъ; умѣнье преодолѣть мѣстные преграды и пользоваться ими для собственнаго укрытія; умѣнье согласовать свои движенія и дѣйствія съ товарищами. Разберемъ послѣдовательно каждый изъ этихъ отдѣловъ.

Военная гимнастика.

Для выносливости нужно укрѣпить силы солдата. Это достигается *гимнастикой*. Подъ военной гимнастикой должно разумѣть совокупность всѣхъ упражненій, развивающихъ организмъ солдата сообразно военнымъ требованіямъ; слѣдовательно, сюда относятся: гимнастика собственно; носка всего того, съ чѣмъ солдатъ не разстается на войнѣ; походныя движенія.

Гимнастика развиваетъ силы, ловкость и до нѣкоторой степени даже безстрашіе солдата: кто привыкъ дѣлать прыжки съ значительной высоты, тотъ не задумавшись спрыгнетъ, напрямѣръ, въ глубокой ровъ, и спрыгнетъ безъ вреда для здоровья; изъ недѣлавшихъ подобнаго упражненія не всякій на это рѣшится, да и рѣшившись не всегда сдѣлаетъ прыжокъ удачно. Итакъ, польза гимнастики не подвержена никакому сомнѣнію. Но чѣмъ кончается увлеченіе ею, т. е. стремленіе довести ее до идеальнаго совершенства? кончается *акробатствомъ*, бесполезнымъ для военнаго дѣла и вреднымъ для здоровья.

Средство отвратить подобное увлеченіе заключается въ одномъ: сдѣлать гимнастику исключительно домашнимъ занятіемъ, т. е. такимъ, которому отдѣльныхъ и въ особенности

заблаговременно назначаемыхъ смотровъ не производить. Непосредственно боеваго назначенія она не имѣетъ: ловки ли вы или нѣтъ—отъ этого собственно непріятель еще не терпитъ никакого ущерба до тѣхъ поръ, пока вы не употребите противъ него оружія. Ясно изъ этого, что въ ряду другихъ занятій гимнастика, относительно повѣрки, должна быть обставлена какъ предметъ второстепенный.

Солдатъ на строевыхъ ученьяхъ, маневрахъ, смотрахъ и при отправленіи караульной службы долженъ все свое имѣть на себѣ; только при этомъ условіи онъ можетъ втянуться въ носку тяжести, съ которой не разстается на войнѣ. Вести такимъ образомъ пѣхоту должно по слѣдующимъ причинамъ: 1) чтобы переходъ къ военному времени не былъ для нея крутъ (т. е. чтобы болѣзненность и смертность при этомъ переходѣ развивались по возможности меньше); 2) чтобы испытаніе обмундированія и снаряженія въ мирное время происходило въ условіяхъ военнаго; 3) чтобы, наконецъ, начальники могли получить правильное понятіе о томъ, чего можно требовать отъ человѣка, обременнаго полуторапудовою тяжестью. Нѣкоторые офицеры, основываясь на маневрахъ съ пустыми ранцами, приходили иногда къ убѣжденію, что пѣхота можетъ дѣлать до 7 верстъ въ часъ.

Само собою разумѣется, что, образуя рекрута, слѣдуетъ не сразу заставлять его носить все снаряженіе, а начинать съ сумы и ранца пустыхъ и исподволь увеличивать ношу до существующей въ арміи нормы.

Чѣмъ чаще пѣхота находится въ походѣ, тѣмъ лучше. Этого не только требуетъ укрѣпленіе ногъ, но еще и то обстоятельство, что часть, слишкомъ долго остающаяся на мѣстѣ, неминуемо пускаетъ корни, если можно такъ выразиться, т. е. заводится лишними вещами, слишкомъ постоянными связями и т. под.

Носка полнаго снаряженія и частыя походныя движенія составляли одинъ изъ главныхъ отдѣловъ суворовскаго воспитанія солдатъ. Результаты извѣстны: суворовскіе марши вошли въ пословицу, и, несмотря на это, больныхъ у него было мало. У него, часто ночью, войска по тревогѣ выводились въ поле, шли быстро, переправлялись черезъ рѣки, овраги, при чемъ требовались, конечно, немалая ловкость и отвага. Эту систему воспитанія Суворовъ пояснилъ и освятилъ однимъ изъ безсмертныхъ своихъ афоризмовъ: „тяжело въ ученьи — легко въ

походѣ; легко въ ученьи—тяжело въ походѣ“. Кто понимаетъ, что успѣхъ войны „*est motus*“ (*), т. е. въ быстротѣ движенія, тотъ долженъ согласиться, что лучшаго ничего нельзя придумать, дабы сдѣлать солдата выносливымъ въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ. Само собою разумѣется, что примѣненіе къ дѣлу этихъ двухъ приемовъ выработки солдата должно имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, если онъ не обремененъ службою. Положимъ, что солдатъ черезъ два дня въ третій ходитъ въ карауль: при подобномъ положеніи онъ имѣетъ въ ходбѣ слишкомъ достаточную практику, и предписаніе ему какихъ-либо съ этою цѣлю упражненій сверхъ того ведетъ къ истощенію, а не къ укрѣпленію силъ.

Стрѣльба.

Для того, чтобы выстрѣлъ былъ дѣйствителенъ, человѣкъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ въ опредѣленіи разстоянія, въ выборѣ мѣста, минуты для выстрѣла, въ соображеніи обстоятельствъ, имѣющихъ на выстрѣлъ вліяніе, т. е. вѣтра, освѣщенія, погоды. Ясно, что стрѣльба будетъ хороша тогда только, когда солдату предоставлена извѣстная свобода и когда онъ способенъ *соображать*.

Это обнаружилось только съ распространеніемъ штуцера, и въ этомъ великій результатъ его введенія въ войска. Онъ привелъ насильно къ мысли, что признавать въ солдатѣ чело-вѣка нужно не по долгу, а изъ сознанія собственной выгоды.

Но, приучаясь поражать непріятеля издали и изъ-за укрытій, солдатъ естественно получаетъ расположеніе къ этому, довольно безопасному, способу нанесенія вреда и неохоту къ тому, при которомъ нужно болѣе рисковать собою, т. е. къ работѣ штыкомъ.

Ясно, что, увлекшись стрѣльбой, мы получимъ солдата болѣе или менѣе развитаго, можетъ быть и хорошо стрѣляющаго издали, но не особенно расположеннаго сходить на штыкъ. Слѣдовательно, стрѣльба даетъ въ конечномъ результатѣ умственное развитіе, но не даетъ никакой практики энергіи, воли. Но, разъ ставъ на этотъ путь, остановиться нельзя; стремленіе развить умъ солдата при увлеченіи стрѣльбой, рано или поздно, приведетъ: 1) къ преувеличенному взгляду на значеніе грамотности; 2) къ созданію чуть не цѣлыхъ наукъ, въ которыхъ мысли нѣтъ никакого дѣла, а все приводится къ задалбливанію

(*) Выраженіе маршала Саксонскаго.

(разборка и сборка ружья, теорія стрѣльбы); 3) къ чрезвычайному развитію болтовни, находящей обширное поприще въ желаніи *все* объяснять солдату, даже и то, что видно съ перваго взгляда безъ всякаго объясненія; 4) къ приданію преувеличеннаго значенія умѣнью укрываться отъ непріятеля, т. е. пассивному примѣненію къ мѣстности.

Посмотримъ, дѣйствительно ли перечисленные односторонности составляютъ неизбежное слѣдствіе увлеченія стрѣльбой:

1) Причина увлеченія грамотностію при взглядѣ на стрѣльбу, какъ на важнѣйшій отдѣлъ въ обученіи солдата, понятна: стрѣльба требуетъ умственнаго развитія, которое въ грамотности находитъ себѣ немалое подспорье: слѣдовательно, солдата грамотѣ учить нужно. Совершенно соглашаясь съ этимъ, должно однакожь признать, что служебныя награды за успѣхи только въ грамотности давать не приходится, а это при увлеченіи стрѣльбой и грамотностію бываетъ. Не слѣдуетъ забывать, что для того, чтобы быть унтеръ-офицеромъ, нужно прежде всего умѣть управляться съ людьми и знать свои обязанности: неграмотный, но удовлетворяющій этимъ двумъ условіямъ будетъ для службы полезнѣе грамотнаго, и даже ученаго, который ихъ не представляетъ. Это въ особенности должно имѣть въ виду въ арміяхъ, гдѣ грамотность мало еще распространена, т. е. гдѣ способность управлять и грамотность не всегда встрѣчаются въ одномъ лицѣ.

Военная часть не есть школа грамотности, слѣдовательно знаніе грамоты не можетъ въ ней считаться служебнымъ отличіемъ и не должно быть награждаемо, какъ служебное отличіе.

2) Мѣткая стрѣльба требуетъ содержанія ружья въ полной исправности—это понятно и совершенно основательно; содержать ружье въ исправности можетъ только тотъ, кто основательно знаетъ сборку и разборку его. Кажется, основываясь на этомъ, слѣдовало бы обучать солдата сборкѣ и разборкѣ наглядно, налегая на то, чтобы онъ зналъ назначеніе каждой составной части ружья и замка, а не на то, чтобы онъ это умѣлъ складно и книжнымъ языкомъ рассказывать. Но такъ какъ при увлеченіи стрѣльбой имѣется въ виду не одно знаніе дѣла, а еще и развитіе человѣка, то, подѣ предлогомъ его, заставили солдата задалбливать всю номенклатуру частей ружья (*), отвѣчать на вопросы, въ родѣ: для чего солдату дается ружье,

(*) Для частей одного курка есть четыре или пять названій.

для чего его нужно чистить? дѣлать изустныя опредѣленія того, что такое стволъ, штыкъ и т. п. Слѣдствіе подобнаго обилія словоизліяній понятно: солдатъ могъ удовлетворить ему только задалбливая отвѣты, которые съ него требовались, то есть упражнялъ не соображеніе, а память. При подобныхъ требованіяхъ забыли ту простую вещь, что можно и нескладно говорить о дѣлѣ, а дѣлать его отлично; забыли и то, что кто иначе не употребляетъ ружья, какъ для стрѣльбы и работы штыкомъ, тотъ знаетъ, для чего оно ему дано, хотя бы слова объ этомъ сказать не умѣлъ. Умѣть говорить о дѣлѣ не значитъ еще умѣть его дѣлать, и учить первому значитъ отнимать время, которое лучше бы было употребить на упражненія во второмъ.

3) Въ видахъ того же развитія сочтено за необходимое преподавать солдату теорію стрѣльбы, даже съ траекторіями, полетами въ безвоздушномъ пространствѣ, и т. п. Все это опять приводило къ задалбливанію, а не къ развитію, ибо, проживши лѣтъ до 20—25 (1) въ деревнѣ, за сохой, не привыкнувъ къ анализу, невозможно понять всѣхъ этихъ отвлеченій, а приходится ихъ заучивать наизусть. Я не говорю уже о томъ, что къ основной цѣли—къ мѣтвой стрѣльбѣ—это не подвигаетъ ни на волосъ.

Простолюдина должно учить въ той послѣдовательности, какъ училось человѣчество; а оно начинало съ дѣла, къ которому уже потомъ прискивались приличныя теоретическія объясненія. Того же пути слѣдуетъ держаться и съ солдатомъ. Если, узнавъ дѣло, онъ самъ задастъ: почему? нужно удовлетворить эту законную пытливость (законную—ибо она естественна), удовлетворить безъ всякихъ ученыхъ терминовъ и замашекъ, просто (2); но дѣлать изъ теоретическихъ объясненій предметъ обязательнаго знанія для солдата значитъ не обращать вниманія ни на его умственный складъ (3), ни на его прямое назначеніе быть прежде всего человѣкомъ дѣла, а не слова.

4) Увлеченіе пассивнымъ примѣненіемъ къ мѣстности составляетъ неизбежное слѣдствіе увлеченія стрѣльбой, такъ какъ изъ-за укрытія человѣкъ стрѣляетъ болѣе мѣтко, потому что будетъ хладнокровнѣе и можетъ опереть ружье. Но въ основаніи этого отдѣла образованія лежитъ цѣль, щекотливая для воен-

(1) А прежде и больше.

(2) На полетъ камня, брошеннаго рукою, можно наглядно показать фигуру линіи полета пули.

(3) Основное свойство котораго — цѣльность, неспособность къ отвлеченіямъ.

наго человѣка—удовлетвореніе инстинкту самосохраненія. Ясно, что, налегая, при обученіи людей, на развитіе въ нихъ умѣнья укрываться за мѣстными предметами, мы благопріятствуемъ развитію этого инстинкта, между тѣмъ какъ въ бою, и безъ особыхъ къ тому поощреній, онъ говоритъ слишкомъ сильно. Мало того: дѣлать изъ подобнаго предмета особую науку значитъ занимать человѣка дѣломъ, которое не имѣетъ видимой цѣли, ибо укрываться можно отъ кого-нибудь; учить укрываться ни отъ кого—то же, что играть съ самимъ собою въ прятки, значитъ учить солдата тому, что онъ знаетъ пожалуй съ четырехлѣтняго возраста: ибо что такое игра въ прятки, какъ не пассивное примѣненіе къ мѣстности, т. е. расположеніе на ней такъ, чтобы, не будучи видимымъ противнику, самому не упускать его изъ виду?

На понятіяхъ о дисциплинѣ увлеченіе стрѣльбой отражается тѣмъ, что человѣку мало по малу предоставляется свобода большая той, какая можетъ быть предоставлена солдату; это можетъ быть сдѣлано только въ ущербъ связкамъ, поддерживающимъ единство части, необходимое для успѣшнаго дѣйствія холоднымъ оружіемъ.

Употребленіе холоднаго оружія.

Чтобы броситься въ штыки, человѣкъ долженъ ожесточиться; думать и соображать при этомъ много не нужно, даже чѣмъ меньше думать, тѣмъ лучше: ударъ будетъ рѣшительнѣе. Ясно, что при исключительной или даже предпочтительной практикѣ въ дѣйствіи холоднымъ оружіемъ (въ родѣ горцевъ, срубающихъ иногда головы животнымъ) частое возбужденіе нравственной стороны до ожесточенія должно повести за собою пренебреженіе къ умственному развитію. Но регулярныя войска въ мирное время не имѣютъ подобной практики въ употребленіи холоднаго оружія и по необходимости должны ограничиться только фехтованіемъ и продѣлываніемъ обстановки холоднаго удара массъ, т. е. движеніями и перестраиваніемъ изъ строя въ строй. Это можетъ повести къ увлеченію, исключаящему развитіе въ солдатѣ и ума, и нравственной энергіи.

Умѣнье согласовать свои движенія и дѣйствія съ товарищами (подготовка къ сожкнутому строю).

Для успѣха холоднаго удара необходима масса извѣстнаго числа людей, заключенныхъ въ стройную форму, *двигающихся и дѣйствующихъ какъ одинъ человекъ.* Итакъ, въ конечномъ вы-

водѣ для этого удара требуется отъ людей *единодушіе* дѣйствія и *единовременность* движенія, какъ внѣшнее выраженіе единодушія. Но такъ какъ въ мирное время единодушіе дѣйствія ничѣмъ не возбуждается, то и ограничиваются достиженіемъ совершенства въ одновременности движенія: возникаетъ увлеченіе маневрированіемъ (*).

Чтобы показать, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ это увлеченіе, необходимо обратиться къ тому времени, когда стройности движеній не существовало; а это было не далѣе какъ гдѣ-то сто тому назадъ, т. е. въ $\frac{1}{2}$ XVIII вѣка. Для стройности движенія необходимо, чтобы люди шли въ ногу и шагомъ одинакой скорости и размѣра. Какъ это ни просто кажется, но до $\frac{1}{2}$ XVIII вѣка никому въ голову не приходило. Можно себя представить, какаѧ стройность тогда была возможна! Явился наконецъ великій человѣкъ, который открылъ эту, столь повидимому простую, вещь: это былъ маршалъ Морицъ Саксонскій. Долго ему не удавалось осуществить свою мысль на дѣлѣ, ибо къ новому люди трудно привыкають; но наконецъ мало по малу поняли, что только при мѣрномъ шагѣ военная часть дѣйствительно можетъ двигаться, какъ одинъ человѣкъ. Поняли, что этимъ пріобрѣтался громаднй залогъ успѣха въ бою, особенно противъ частей, которымъ стройность движенія неизвѣстна.

Но какъ же обучить мѣрному шагу? Даже и задумавшіе это впервые не имѣли понятія, какъ нужно взяться за дѣло, чтобы добиться движенія въ ногу. О солдатахъ и говорить нечего: они не могли себя представить, чего отъ нихъ хотять; они были въ положеній худшемъ, нежели нынѣшніе рекруты, которые, если сами не умѣють ходить въ ногу, то по крайней видятъ, какъ это дѣлають старые солдаты.

Итакъ, въ періодъ введенія мѣрнаго шага положеніе обрисовывается такимъ образомъ: высшіе начальники знаютъ, чего хотять, но практическихъ пріемовъ къ осуществленію своей мысли не имѣють; солдаты и низшіе начальники не понимаютъ даже совсѣмъ, чего отъ нихъ хотять.

Какъ же взяться за дѣло, какъ добиться, чтобы сотни людей одновременно поднимали и потомъ ставили на землю одну и ту же ногу? Какъ поправить ошибку, если кто-нибудь

(*) Подъ маневрированіемъ здѣсь разумѣется всякое вообще обученіе массъ стройнымъ движеніямъ и эволюціямъ.

началъ движеніе не съ той ноги или не съ желаемой скоростью? Средство одно—замедлить человѣческій шагъ, т. е. заставить солдата ходить медленнѣе, чѣмъ при обыкновенной человѣческой походкѣ. Но для непривычнаго глаза и этого было недостаточно; что же сдѣлать? разложить шагъ на составныя части, и каждую исполнять не иначе, какъ по командѣ. Вотъ какимъ постепеннымъ и совершенно логическимъ путемъ возникла та система обученія мѣрному шагу, которая во всѣхъ европейскихъ арміяхъ была признаваема за необходимую въ теченіе почти ста лѣтъ; вотъ какъ возникли тихіе учебные шаги въ три, два, одинъ приемъ и вовсе безъ приемовъ; скорый шагъ въ одинъ приемъ, и только послѣ него переходили къ чему-то похожему на натуральный человѣческій шагъ—къ скорому шагу.

Но, раздѣливъ шагъ на составныя части, скоро замѣтили, что ихъ можно исполнять довольно разнообразно: одинъ поднималъ ногу выше, другой ниже; одинъ ее проносилъ скоро, другой медленно. Это рѣзало глазъ, начинавшій получать навыкъ къ однообразію; а можетъ быть, такъ какъ дѣло было новое, обучающимъ казалось, что если не уравниять подобныхъ мелочей, то не будетъ и мѣрнаго шага. Какъ бы то ни было, но сказанное разнообразіе, зависящее отъ разнообразія физическаго склада людей, вызвало цѣлый рядъ правилъ о высотѣ, на которую слѣдуетъ поднимать ногу, о скорости, съ которою ее слѣдуетъ поднимать и опускать, о скорости проводки ноги подлѣ каблука, и проч. и проч. Рѣшили наконецъ вытягивать носки. Это противорѣчило строенію ноги, но способствовало однообразію, ибо вытянутые носки легче было выровнять... Но обучать всему этому на мѣстѣ не совершенно ровномъ невозможно: начали устраивать плацы, строго-горизонтальные, убитые, усыпанные пескомъ, однимъ словомъ вполне способствующіе изученію теоретическаго мѣрнаго шага, весьма сложнаго, отнимающаго много времени и съ боевымъ дѣломъ немѣвшаго болѣе ничего общаго.

Изъ этого видно, что значить ограничиться одною какою-либо стороною боеваго дѣла: что стройность движенія играетъ первостепенную роль въ обученіи массъ—объ этомъ никто спорить не станетъ; что для этой стройности необходимо каждому человѣку, входящему въ составъ массы, нѣсколько отказаться отъ своихъ физическихъ свойствъ—это также вѣрно. Но чтобы для стройности, необходимой въ бою, нужно было ходить съ

носки, этого уже никто не докажетъ. Чему же приписать введение подобнаго приѣма обученія? Ничему иному, какъ увлеченію стройностію движенія и забвенію прочихъ отдѣловъ обученія солдата. Идеальная стройность требуетъ вытянутыхъ носковъ; но для стройности, возможной и нужной въ бою, это не только бесполезно, но вредно, ибо утомляетъ человѣка и при обученіи отнимаетъ время отъ болѣе полезныхъ занятій.

Но на этомъ остановиться было нельзя: требуя тонкаго однообразія походки или, правильнѣе, маршировки, рано или поздно, но неминуемо начали требовать того же тонкаго однообразія и въ стойкѣ, и въ дѣланіи ружейныхъ приѣмовъ. Дошло до того, что рекрутъ начали выдерживать на стойкѣ по цѣлымъ часамъ въ разѣ; на тихихъ шагахъ останавливались по нѣскольку мѣсяцевъ; мало того: даже со старыми солдатами возвращались къ тихимъ шагамъ ежегодно, несмотря на то, что они въ ногу ходить не забывали. Вся эта система выработана была въ послѣдніа тридцать лѣтъ XVIII столѣтія.

Наконецъ обучили всю пѣхоту мѣрному шагу. Тогда положеніе дѣла перемѣнилось въ діаметральную-противоположную сторону, ибо начали съ того, что были десятки тысячъ незнающихъ мѣрнаго шага и ни одного инструктора, а кончили тѣмъ, что явились тысячи инструкторовъ и малое число рекрутъ, ежегодно поступавшихъ въ войска и невольно обучавшихся мѣрному шагу, попавъ въ массу людей, которые имъ ходили. Кажется, при такихъ условіяхъ можно бы было и отбросить подготовительные приѣмы обученія; но цѣлое поколѣніе выросло на нихъ и привыкло смотрѣть на учебные шаги уже не какъ на подготовительное средство, а какъ на самостоятельный предметъ обученія. Понятно, что при этихъ условіяхъ не только нельзя было вдругъ отказаться отъ тихаго шага, но даже подобное предложеніе должно было встрѣчать самое враждебное противодѣйствіе. И такъ продолжалось почти до нашего времени; только нѣсколько лѣтъ тому назадъ (у насъ послѣ вѣрмской кампаніи) рѣшились наконецъ отказаться отъ учебныхъ шаговъ.

Вотъ вкратцѣ ходъ открытія мѣрнаго шага, его введенія во всеобщее употребленіе и возникновеніе тѣхъ требованій строгаго однообразія въ строю, удовлетвореніе которымъ занимало большую часть времени солдата. Изъ сказаннаго видно, что всѣ возникшія при этомъ тонкости составляютъ не зло-

употребленіе, а только послѣдовательное усовершенствованіе стройности движенія до той степени, на которой она болѣе пріятна для глазъ, нежели полезна для боя.

Вотъ какъ начинаютъ съ дѣла, а кончаютъ вовсе не дѣломъ... Можно ли упрекнуть людей, дошедшихъ мало по малу до показаннаго, требовавшихъ, чтобы при стойкѣ на мѣстѣ штыки не шевелились, т. е. чтобы человѣкъ задерживалъ дыханіе, распаривавшихъ въ банѣ ноги тѣмъ людямъ, у которыхъ онѣ не подымались на установленную для тихаго шага высоту? Не бросить въ нихъ упрека тотъ, кто понимаетъ, что человѣкъ рабски подчиняется своему предмету занятій или, правильнѣе, той идеѣ, которая лежитъ въ его основаніи: его тянетъ въ усовершенствованія, т. е. въ послѣдовательное развитіе этой идеи, и этому стремленію онъ не задумываясь жертвуетъ даже самимъ собою, а объ другихъ и говорить нечего.

Пусть перенесутся мыслию въ то время, когда возникъ наконецъ первый баталіонъ, способный ходить въ ногу: у кого изъ военныхъ могло не захватывать духа при видѣ этой страшной новой силы? кто изъ нихъ могъ быть не приведенъ къ убѣжденію, что въ стройности движеній тайна побѣды, ибо только при помощи этого средства изъ массы людей, разнообразныхъ и физически, и нравственно, получалось одно существо? Если это такъ, то безъ труда понять можно, что на первыхъ порахъ неизбѣжно было слѣдующее убѣжденіе: чѣмъ до большаго совершенства будетъ доведено однообразіе, какъ расположенія на мѣстѣ, такъ и движенія, тѣмъ части въ боевомъ отношеніи будутъ лучше.

Если къ этому припомнить, съ какими страшными затрудненіями была сопряжена для людей того времени выработка системы обученія мѣрному шагу, то станетъ совершенно понятно, что кажущееся намъ теперь нелѣпымъ тогда должно было казаться и разумнымъ, и необходимымъ. Достаточно сказать, что Гиберъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ писателей эпохи Фридриха, предлагаетъ слѣдующее средство обученія мѣрному шагу: протягиваются двѣ параллельныя веревки, на которыхъ сдѣланы мѣтки на разстояніе ширины шага; между ними ставится шеренга и маршируетъ, соображая шагъ съ мѣтками на веревкахъ! Обученіе мѣрному шагу повело на первыхъ порахъ къ замедленію похода, непонятному въ наше время: такъ у Фридриха, армія котораго счита-

лась самою подвижною, ходили со скоростію не болѣе 70 шаговъ въ минуту. Мало того: укоротили шагъ до $\frac{3}{4}$ аршина, что, бывъ принято у насъ, и вызвало со стороны великаго Суворова горькій, полный пониманія боеваго дѣла, но въ то время общаго увлеченія мѣрнымъ шагомъ бесплодный протестъ: „шагъ укоротили на $\frac{1}{4}$ аршина,—и тако на непріятеля, вмѣсто сорока, тридцать верстъ...“

То было время полнаго разгула всякому, кто предлагалъ что-либо совершенно несообразное съ боевыми требованіями, но достигавшее болѣе тонкаго однообразія: изобрѣтеніе какого-нибудь ловкаго поворота награждало счастливаго изобрѣтателя военной карьерой; изобрѣтеніе равенія развернутаго баталіона по линейнымъ унтеръ-офицерамъ доставляло при томъ и европейскую извѣстность. Всѣ мѣры устремлены были къ тому, чтобы заставить заниматься исключительно мѣрнымъ шагомъ: въ этомъ разгадка потсдамскихъ парадовъ и разводовъ съ церемоніею, которые долгое время служили образцомъ во всѣхъ почти европейскихъ арміяхъ и которые, какъ оказывается, тогда имѣли смыслъ, побуждая военныхъ заниматься дѣломъ еще новымъ и дѣйствительно важнымъ.

При такихъ условіяхъ увлеченіе стройностію движенія было неизбежно: занятіе было легкое и даже пріятное; потому пріятное, что неголоволомное и подчинимое самымъ точнымъ правиламъ, т. е. съ отвѣтственностію несопряженное. Вознаграждалось же оно при томъ хорошо: понятно, что фанатиковъ всѣхъ возможныхъ шаговъ, философовъ, разбиравшихъ вопросы въ родѣ того, что лучше: прохватывать ли ногу подлѣ каблука, или проносить ее плавно, должно было развестись безчисленное множество.

Что сказалъ бы маршалъ Саксонскій, если бы онъ могъ встать изъ гроба, увидѣвъ, какіе плоды дала его великая мысль?

Но эта оргія однообразія уже по самой силѣ своей не могла безнаказанно продолжаться: реакція была неизбежна. Какъ обыкновенно бываетъ, началась она въ теоріи, и, какъ обыкновенно также бываетъ, практики теоріи не послушали. Люди, понимавшіе сущность боеваго дѣла—Суворовъ, Ллойдъ—возставали противъ тѣхъ несообразностей, которыя были порождены стремленіемъ къ тонкому однообразію; но можно ли было ихъ слушать? вѣдь это были теоретики!... Что же значило ихъ мнѣніе въ сравненіи съ мнѣніемъ практиковъ, на-

примѣръ, въ родѣ Каннабиха, который преподавалъ у насъ въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, подѣ титуломъ тактики, приемы тростью?... Понятное дѣло, что слушать ихъ было нельзя и не должно. Но за этими теоретиками пошли другіе, которые нѣсколько измѣнили способъ аргументаціи: вмѣсто листа бумаги—боевое поле; вмѣсто словъ—люди; вмѣсто перьевъ—штыки; вмѣсто словеснаго приведенія одностороннихъ началъ къ нелѣпности—десятки тысячъ головъ, летящихъ въ подтвержденіе этой односторонности. И полетѣли головы, и рухнули государства... Эти теоретики были: Наполеонъ, Массена, Даву, Ней, Сультъ и проч., и проч.; противопоставленные имъ практики: Альвинци, Магъ, Вейротеръ, герцогъ Брауншвейгскій, Рюхель и другіе.

На этотъ разъ, силогизмъ теоретиковъ былъ убѣдительнѣе, хотя по сущности ничѣмъ не отличался отъ того, что говорили Ллойдъ и Суворовъ. Стало ясно, что для удачи въ бою нужно нѣчто большее, нежели мѣрный шагъ: нужна стройность души еще болѣе, нежели стройность формъ; что первую нужно беречь какъ зѣницу ока и тщательно устранять изъ образованія войскъ все то, что можетъ ее хотя сколько-нибудь подорвать, не говоря уже о полномъ подавленіи.

Практикамъ пришлось выбрать одно изъ двухъ: или упорствовать въ своемъ увлеченіи и обрекать себя на вѣрную гибель, или спастись отъ гибели, отрекшись отъ этого увлеченія. Тогда практики заговорили совсѣмъ другимъ языкомъ: гдѣ взялись обращенія къ возвышеннымъ сторонамъ человѣческой природы, обращенія къ патриотизму, къ личному достоинству солдата, къ самостоятельности начальника...

Къ сожалѣнію, человѣкъ не легко отдѣлывается отъ того, къ чему привыкъ: едва успѣли сойти со сцены нравоучительные теоретики, какъ практики опять вернулись къ своему, и даже съ большимъ, противъ прежняго, рвеніемъ; и только недавно, благодаря штуцеру и новымъ погромамъ, поняли наконецъ, что одной стройностію въ бою еще ничего не сдѣлаешь.

Согласно нашей основной мысли раскрывать въ каждомъ отдѣлѣ, какую способность души онъ развиваетъ, посмотримъ, что развиваютъ предпочтительныя упражненія въ стройности движенія.

Выше сказано, что для стройности движенія человѣкъ долженъ отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ физическихъ

свойствъ; слѣдовательно, въ основѣ этого занятія лежитъ *автоматизмъ*, т. е. подчиненіе разнообразныхъ физическихъ свойствъ различныхъ личностей одной извѣстной нормѣ. Ясно, что, при исключительномъ преобладаніи этого отдѣла, ни умъ, ни воля практики имѣть не могутъ, ибо все вниманіе будетъ устремлено на развитіе въ каждомъ человѣкѣ одной способности—совершенно однообразно съ другими ходить, стоять, махать руками, исполнять все, что ни потребуется. Ясно также, что отдѣлы образованія, не особенно благопріятствующіе развитію этой способности, а предоставляющіе большую или меньшую свободу человѣку, должны быть уже по этому самому оставлены безъ вниманія. Извѣстно, что во время увлеченія стройностію движенія ни на стрѣльбу, ни на обученіе работъ штыкомъ, ни, наконецъ, на развитіе одиночной ловкости не обращали никакого вниманія.

Вліяніе крайностей этого увлеченія на складъ понятій нетрудно предугадать: 1) стремленіе къ однообразію вездѣ и во всемъ, даже въ отвѣтахъ; 2) стремленіе довести до совершенства внѣшнюю сторону службы и забвеніе существеннѣйшихъ ея обязанностей, потому что въ нихъ нѣтъ ничего показнаго, прельщающаго глазъ; 3) расширеніе власти начальника за предѣлы закона.

Увлеченіе этимъ отдѣломъ образованія особенно было сильно въ эпоху Фридриха II, и, будучи самъ великимъ полководцемъ, онъ дошелъ однакожь до убѣжденія, будто „солдаты должны бояться палки капрала больше, чѣмъ непріятельской пули“ (*). Съ точки зрѣнія стройности движенія это совершенно послѣдовательно, ибо физическое совершенство можетъ быть достигнуто только физическими средствами; но съ точки боевой оно невѣрно, ибо можно бояться палки болѣе, чѣмъ пули, но нельзя бояться ея болѣе, чѣмъ штыка, такъ какъ оба однородныя оружія; при этомъ упущено было изъ виду, что кто былъ битъ въ мирное время, тотъ на извѣстный процентъ подготовленъ уже и къ тому, чтобы быть битымъ въ военное.... Но это упущеніе было совершенно естественнымъ послѣдствіемъ увлеченія стройностію движенія (**).

(*) Впрочемъ, въ Фридрихъ это убѣжденіе оправдывалось и тѣмъ еще, что его пѣхота комплектовалась преимущественно вербовкою, т. е., что въ нее попадали всякій сбродъ.

(**) Нужно ли говорить, что отиѣной тѣлеснаго наказанія у насъ сдѣланъ великій и благодѣтельный шагъ къ тому, чтобы покончить разъ навсегда съ фридриховскими преданіями?

Отсюда видно, что увлеченіе эволюціями массъ сообщаетъ складъ понятіямъ о дисциплинѣ, противоположный тому, какой они получаютъ при увлеченіи стрѣльбою. Въ первомъ случаѣ личность солдата является болѣе или менѣе подавленной; во второмъ—она слишкомъ выдается въ ущербъ единству, необходимому при дѣйствіи холоднымъ оружіемъ. Между тѣмъ, для боя нельзя удовольствоваться чѣмъ-нибудь однимъ, ибо тамъ нуженъ человекъ, способный и на то, и на другое—способный въ разсыпномъ строю быть самостоятельнымъ, въ сомкнутомъ обращаться въ автомата.

Изъ всего сказаннаго легко убѣдиться еще и въ томъ, что, какимъ бы отдѣломъ образованія мы ни увлеклись, мы неминуемо отклонимъ солдата отъ его боеваго назначенія и матеріально, и нравственно.

Остается сказать о средствѣ противодействовать этому увлеченію: оно заключается въ исполненіи основнаго закона всякой человѣческой дѣятельности, по которому человекъ, приступая къ изученію какого-нибудь предмета, начинаетъ съ разложенія его на составныя части, изучаетъ ихъ отдѣльно и затѣмъ соединяетъ ихъ въ одно, не останавливаясь слишкомъ долго на отдѣльномъ изученіи. Учитесь ли вы читать, писать, пахать, плотничать, вы постоянно держитесь этого пути. Слѣдуетъ его держаться и въ образованіи солдата.

Если, обучаясь писать, вы остановитесь слишкомъ долго на томъ, чтобы выводить буквы, вы неминуемо увлечетесь изяществомъ этихъ послѣднихъ, и мало по малу главная цѣль письма—выраженіе мыслей—отступитъ на второй планъ. То же самое происходитъ при остановкѣ на частностяхъ боеваго дѣла въ ущербъ этому послѣднему.

Само собою разумѣется, что до полнаго соединенія всѣхъ отдѣловъ боеваго ремесла дойти невозможно, такъ какъ въ мирное время недостаетъ для этого главной данной—непріятеля; но слѣдуетъ вести это соединеніе такъ далеко, какъ только допускаетъ мирное положеніе.

Какіе именно отѣлы съ какими соединять, показываютъ предшествующій разборъ и условія боя: въ бою не приходится передъ непріателемъ только ходить или располагаться, а должно сопровождать движеніе или расположеніе употребленіемъ котораго-либо изъ оружій; будемъ дѣлать то же и въ мирное время противъ цѣлей неодушевленныхъ.

Но прежде нежели переходить къ соединеніямъ различныхъ отдѣловъ, рассмотримъ порядокъ обученія каждому изъ нихъ. Это еще болѣе познакомитъ съ ихъ свойствами и покажетъ необходимость соединенія ихъ.

Стрѣльба.

Производство выстрѣла разлагается въ свою очередь на части, которыя необходимо продѣлать отдѣльно, для возможно-быстраго успѣха въ стрѣльбѣ.

Составныя части выстрѣла: заряжаніе, опредѣленіе разстоянія до цѣли, прицѣливаніе, спускъ курка не нарушая прицѣльной линіи, звукъ выстрѣла; выстрѣлъ боевой съ отгѣреннаго разстоянія, и, наконецъ, соединеніе всѣхъ отдѣловъ—выстрѣлъ съ разстоянія, опредѣляемаго на глазъ самимъ стрѣлькомъ. Ко всему этому нужно приучиться отдѣльно; но къ чему должна привести продолжительная остановка на чемъ-нибудь одномъ, можно судить по холостой стрѣльбѣ, которая для своего совершенства требуетъ быстраго, т. е. небрежнаго заряжанія; о необходимости опредѣлить разстояніе, прицѣлиться и спокойно спустить курокъ не напоминаетъ нисколько; къ своему собственному совершенству (т. е. къ чистотѣ залповъ, къ непрерывности пальбы рядами) влечетъ неодолимою силою. Частымъ упражненіемъ въ холостой стрѣльбѣ объясняется та малая дѣйствительность огня, которая замѣчается въ бою, ибо кто приученъ суетиться, благодаря холостой стрѣльбѣ, не можетъ вдругъ сдѣлаться хладнокровнымъ, стрѣляя при той же обстановкѣ боевымъ патрономъ. Можетъ быть, возразить, что эта суетливость происходитъ отъ потери хладнокровія вслѣдствіе опасности. Совершенно такъ; но, во-первыхъ, это не единственная причина; во-вторыхъ, если суетливость и безъ того въ бою неизбежна, то, кажется, въ мирное время нужно хлопотать о томъ, чтобы ее не увеличивать системой обученія.

Остановка на стрѣльбѣ съ отгѣренныхъ разстояній влечетъ къ такъ называемой *точкой стрѣльбѣ*, т. е. порождаетъ желаніе попасть, если можно, въ точку—желаніе очевидно непрактическое, такъ какъ для боя совершенно достаточно, если вы не выходите изъ мишени, имѣющей размѣры челоуѣка спереди. Одно изъ стремленій, порождаемыхъ стрѣльбой съ отгѣренныхъ дистанцій, составляетъ также попытка установить точную оцѣнку стрѣльбы цѣлыхъ частей, основываясь на процентныхъ содержаніяхъ понавшихъ пуль. Стрѣльба массы людей

подвержена такимъ случайностямъ, что наилучше стрѣляющая рота не можетъ навѣрное поручиться впередъ ни даже за одну удачную стрѣльбу. Следовательно, какъ средство соревнованія между отдѣльными людьми, подобная оцѣнка еще имѣетъ значеніе; но какъ опредѣленіе относительнаго искусства частей она не имѣетъ никакого и ведетъ только къ различнымъ уловкамъ для достиженія наибольшихъ процентовъ. Несмотря на это, процентное содержаніе считается нужнымъ выводить даже съ точностію до сотыхъ долей. Мало того: невозможность точной процентной оцѣнки при стрѣльбѣ съ неопредѣленныхъ дистанцій была приводима какъ аргументъ противъ введенія этой стрѣльбы въ занятія войскъ. Какъ будто ихъ учатъ стрѣльбѣ для повѣрки, а не для того, чтобы поражать врага! Жажда наибольшихъ процентовъ породила наконецъ и систему обученія стрѣльбѣ на такъ называемыя условія. Нѣтъ спора, что необходимо человѣка утвердить въ стрѣльбѣ на ближнія дистанціи и затѣмъ уже переходить на дальнѣйшія; но условія для этого перехода должны быть по возможности легче, дабы къ концу практики возможно большее число людей доходило до дальнихъ дистанцій. Но еще не такъ давно поступали наоборотъ: ставили такія условія, что иногда и четверть людей не добиралась до самой дальнѣйшей дистанціи, и это въ баталіонахъ, составленныхъ изъ опытныхъ стрѣлковъ. Тутъ обнаруживается уже взглядъ на стрѣльбу не какъ на средство для боя, а какъ на искусство, само себѣ составляющее цѣль и въ которомъ главное — достигнуть совершенства, какого бы продолжительнаго срока это ни потребовало. Но непріятель не ждетъ съ объявленіемъ войны того времени, когда вы доведете стрѣльбу до совершенства, и въ бою не спросятъ, кто „выбилъ“, а кто не выбилъ условія, а пошлютъ всѣхъ въ цѣпь, и эта цѣпь начнетъ вѣдъ стрѣльбу именно съ дальнихъ дистанцій. Тутъ и окажется, что лучше бы было меньше имѣть артистовъ-стрѣлковъ, лишь бы всѣ прошли полный курсъ стрѣльбы. Вотъ какъ разнятся боевыя и мирно-стрѣлковыя стремленія; а какое, повидимому, упражненіе можно назвать болѣе боевымъ, какъ не стрѣльбу? Упраженіе въ стрѣльбѣ для солдата есть не обязанность, но право, потому что отъ большаго или меньшаго искусства въ ней зависитъ иногда его жизнь, и лишеніе его возможности стрѣлять наравнѣ съ товарищами составляетъ такое же посягательство, какъ невы-

дача чего бы то ни было слѣдующаго ему по положенію. Кромѣ того нужно помнить, что не всаній и можетъ выучиться хорошо стрѣлять по физическимъ своимъ средствамъ, а не по лѣности: справедливо ли лишать такихъ людей возможности выучиться стрѣлять на всѣ дистанціи хотъ какъ-нибудь, изъ-за того, что они неспособны стрѣлять хорошо?

И всѣ указанныя неспособности, могущія произойти отъ остановки на которой-либо изъ частей выстрѣла, опять составляютъ не личную чью-либо ошибку, а совершенно логическое послѣдствіе остановки, влекущей къ усовершенствованіямъ части дѣла, въ ущербъ цѣлому дѣлу: звука въ холостомъ выстрѣлѣ, быстроты движеній въ примѣрномъ заряданіи, способности попадать въ возможно-меньшую цѣль въ стрѣльбѣ съ отиѣренной дистанціи.

Изъ этого же видно, какъ всякая лишняя прибавка въ обученіи противъ того, что для войны требуется, опасна: въ конечномъ результатѣ она обращается въ самостоятельный предметъ занятій, неимѣющій ничего общаго съ боевымъ дѣломъ. Примѣрное заряданіе должно бы, повидимому, готовить къ заряданію настоящему; а въ результатѣ вышло, что оно приучало только къ короткости и суетливости движеній, вредныхъ при тщательномъ заряданіи, гдѣ все основано на осторожности и плавности движеній и на полномъ отсутствіи суетливости. Такъ что обучавшіе примѣрному заряданію, думая, будто готовятъ солдата къ одному изъ боевыхъ дѣйствій, обучали его, сами того не замѣчая, только въ тактъ и однообразно махать руками.

Фехтованіе.

Въ бою только тотъ бьетъ, кто не столько заботится о собственной защитѣ, сколько о томъ, чтобы наносить удары. Система обученія военному фехтованію должна быть построена самымъ строго-послѣдовательнымъ образомъ на этой мысли.

Извѣстно, что большая часть учителей фехтованія основываютъ свою систему на обратномъ: *не наноси удара не отпари-ровавъ*. Опять противорѣчіе того, что нажется логическимъ при мирномъ взглядѣ на дѣло, съ тѣмъ, чего требуютъ условія боя: въ то время, когда мирная логика обращаетъ фехтованіе въ искусство отраженія ударовъ съ возможностью ихъ наносить, боевая логика требуетъ, чтобы оно было *искусствомъ нанесенія ударовъ съ возможностью ихъ отражать*.

Фехтованіе также разлагается при обученіи на отдѣлы: 1) фехтовальныя приемы. Продолжительная остановка на нихъ ведетъ къ тонкостямъ въ родѣ салютовъ (*). При обученіи приемамъ должно принять необходимымъ условіемъ, чтобы выпады дѣлались *не иначе, какъ противъ видимыхъ цѣлей и въ назначенную точку*: это необходимо въ видахъ приученія къ мѣткости и силѣ ударовъ. Должно постоянно помнить, что при дѣйствіи холоднымъ оружіемъ глазомѣръ несравненно болѣе важенъ, чѣмъ при стрѣльбѣ: тамъ ошибка въ опредѣленіи разстоянія или невѣрность руки ведетъ къ потерѣ пули; здѣсь она можетъ повести къ потерѣ головы. На силу удара должно обращать особенное вниманіе для того, чтобы солдатъ другихъ ударовъ, кромѣ наносимыхъ „отъ сердца“, не зналъ. 2) Бой съ противникомъ, приучающій солдата къ ловкости и подвижности при нанесеніи ударовъ и къ тому, чтобы видѣть хладнокровно остріе пятака у груди. Остановка на этомъ отдѣлѣ развиваетъ ловкость ударовъ въ ущербъ силѣ ихъ. Наконецъ, во Франціи, допущены: 3) дуэли между солдатами на холодномъ оружіи за личныя оскорбленія. При отсутствіи тѣлесныхъ наказаній это поднимаетъ достоинство солдата, побуждаетъ его быть сдержаннѣе и приличнѣе въ ссорахъ и, наконецъ, препятствуетъ укорененію въ немъ того взгляда на фехтованіе, при которомъ оно обращается въ мирную потѣху. Эти дуэли обставлены такъ, что до слишкомъ серьезныхъ послѣдствій дѣло доходитъ рѣдко. Нельзя не согласиться, что подобное установленіе должно содѣйствовать поддержкѣ въ войскѣ духа, ему приличнаго, и серьезнаго взгляда на занятія фехтованіемъ.

Примѣненіе къ мѣстности.

Примѣненіе къ мѣстности состоитъ въ умѣньшъ преодолевать встрѣчаемыя преграды и пользоваться ими для своего укрытія. Гимнастика, развивая силу и ловкость, служитъ подготовкой къ этому отдѣлу, но еще не даетъ его: гимнастическія преграды не то, что мѣстныя, и приучаются преодолевать послѣднія можно только на мѣстности.

Но такъ какъ мѣстныя препятствія безконечно видоизмѣнны, то понятно, что большее или меньшее умѣнье ихъ пре-

(*) Подъ салютами въ фехтованіи разумѣютъ маханіе оружіемъ въ разные стороны, сопровождаемое притупиваніемъ ногъ. Вся эта сложная церемонія придумана, говорятъ, для того, чтобы дать гибкость членамъ и чтобы бойцы отдали другъ другу вѣжливость. На это можно сказать только, что человѣкъ великій мастеръ находитъ оправданіе всякъ возможнымъ бессмыслицамъ.

одолѣвать или ими пользоваться опредѣляется *исключительно* личной сметливостью солдата, а не изученіемъ какихъ-либо для того правилъ; очевидно также, что преподаваніе правилъ примѣненія къ мѣстности можетъ только помѣшать развитію сметливости.

Преодолѣніе мѣстныхъ преградъ (активное примѣненіе къ мѣстности) есть неоспоримо важнѣйшая часть этого отдѣла; вторая половина его, т. е. умѣнье пользоваться преградами для своей защиты, приобрѣтается сама собою при стрѣльбѣ, вслѣдствіе необходимости искать опоръ ружью, и тѣмъ менѣе должна составлять предметъ одиночнаго обученія, что способствуетъ развитію чувства самосохраненія, которое, напротивъ, должно стараться притупить въ солдатѣ упражненіями, развивающими отвагу и неустрашимость. Притомъ не должно забывать, что въ мирное время можно выучить *ловко укрываться* за мѣстными преградами, но не *упорно отстаивать* ихъ, между тѣмъ какъ въ бою послѣднее только и важно, и это послѣднее можетъ сдѣлать только тотъ, кто не особенно думаетъ о своемъ собственномъ укрытіи. Рядомъ съ этимъ активное примѣненіе къ мѣстности (преодолѣніе преградъ) должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ мирныхъ упражненій солдата, ибо оно представляетъ видимую цѣль; по свойству своему менѣе даетъ простора мирному стремленію подчинять все опредѣленнымъ правиламъ и болѣе — сметкѣ солдата; развиваетъ ловкость и отвагу его.

Какъ необходимое подспорье примѣненію къ мѣстности, *землекопство* должно также составлять одно изъ занятій солдата въ мирное время: тамъ, гдѣ преградъ нѣтъ, солдатъ долженъ умѣть создать ихъ; тамъ, гдѣ онѣ для него неодолимы, онъ долженъ умѣть сдѣлать ихъ одолимыми. Слѣдовательно, такого рода работы составлять фортификаціонную подготовку солдата. Но и здѣсь, въ избѣжаніе увлеченія и безцѣльной работы, должно вести занятія такъ, чтобы они всегда были осязательно полезны, въ родѣ работъ на шоссе, желѣзныхъ дорогахъ и т. под. Поэтому возведеніе укрѣпленій въ мирное время, которыхъ никто и никогда ни брать, ни защищать не будетъ, не должно составлять частыхъ занятій пѣхоты. По мирному досугу нельзя не увлечься чистотою отдѣлки, которая въ военное время и невозможна, по недостатку времени, и бесполезна, ибо не увеличиваетъ силы сопротивленія земляныхъ построекъ. Могутъ возразить, что землекопство не знакомитъ еще съ формами фор-

тификаціонныхъ работъ; но незнаніе того, какъ сочетаются линіи по правиламъ фортификаціи, не составляетъ большой еще бѣды: во-первыхъ, потому, что на это есть спеціалисты, во-вторыхъ, и потому, что у большинства такое знаніе составляетъ помѣху простому и здравому взгляду на дѣло.

Часто случалось, что изучившіе фортификаціонныя правила думали на дѣлѣ не столько о томъ, чтобы возводить постройки сообразно съ обстоятельствами времени и мѣста, сколько о томъ, чтобы изученное осуществить наперекоръ этимъ обстоятельствамъ. Да притомъ въ полѣ и не требуется никакихъ хитрыхъ сочетаній линій, и всякій вѣрующій въ свой здравый смыслъ безъ труда и сразу увидитъ, какое направленіе нужно дать фронту батареи или траншеи. Фортификаціонныя формы то же, что уставныя: въ мирное время учатъ воспроизводить ихъ съ идеальной правильностію и нѣсколькихъ только видовъ, а въ военное ихъ нужно будетъ строить гдѣ придется и какъ придется, т. е. разнообразить до безконечности. Тамъ ужь, конечно, нельзя требовать правильности. Но кто привыкъ требовать ея въ мирное время, способенъ ли тотъ легко отъ нея отказаться въ военное? конечно, нѣтъ, и зачастую будетъ расположенъ требовать ея тамъ, гдѣ она не возможна или бесполезна.

Сказанное о пассивномъ примѣненіи къ мѣстности относится только до одиночнаго обученія, а не до обученія массъ. Укрыть хорошо часть труднѣе, чѣмъ укрыться одному человеку; притомъ же тамъ не каждый солдатъ распоряжается самимъ собою, а всѣ подчинены начальникамъ, и все исполняютъ не иначе, какъ по ихъ командѣ; слѣдовательно, пріученіе дѣльныхъ частей къ укрытію не можетъ быть такъ опасно, какъ пріученіе къ тому же одиночныхъ людей, и оно должно быть допущено въ мирное время, для практики командировъ.

Возвращаясь къ основному началу образованія войскъ — необходимости учить ихъ въ мирное время не болѣе, какъ тому, что они должны дѣлать въ военное, оказывается, что мы и въ немъ даже должны сдѣлать ограниченіе, прибавивъ: *за исключеніемъ отдѣловъ, развивающихъ инстинктъ самосохраненія*, на которые отнюдь налегать не должно.

М. ДРАГОМИРОВЪ.

(Продолженіе будетъ.)